

Контекст

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ КАК СЛИШКОМ ПОЛИТИЧЕСКОЕ: АМЕРИКАНСКАЯ «РЕАКЦИОННАЯ ГЕОГРАФИЯ» И ИМПЕРИАЛИЗМ В СОВЕТСКОМ ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ВООБРАЖЕНИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1950-Х ГОДОВ

Максим Валерьевич Кирчанов,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран

факультета международных отношений Воронежского государственного университета

E-mail: maksymkirchanoff@gmail.com

В статье рассматриваются проблемы политического воображения в советской географии первой половины 1950-х годов. Советские географы в идеологизированных текстах характеризовали американскую географию как «реакционную» и «буржуазную»; так они участвовали в формировании советской политической идентичности, одним из центральных элементов которой был концепт «инаковости».

Ключевые слова: география как наука; воображение; американский империализм; сталинизация науки.

УДК 94(47+57+73)"195":91

Наука, помимо познавательной и образовательной, имеет и иные социокультурные функции, в том числе политическую и *идеологическую*. В наибольшей степени идеологическая роль знания была актуализирована в советский период у гуманитарных и общественных наук, но были и исключения. Д. Томсон в начале 1960-х годов подчёркивал, что «в эпоху национальных государств история обречена быть националистической» [Thomson 1968: 27]. В СССР вместо культивирования национализма и национальной идентичности науки были призваны решать идеологические задачи, связанные с *индоктринизацией* населения, в первую очередь – научного сообщества, для обеспечения его лояльности.

Статус *географии* как науки характеризуется двойственностью: одновременным тяготением к естественным и общественным наукам. В советский период география не избежала идеологизации. В наибольшей степени тенденции к политизации географии проявились в первой половине 1950-х годов – так называемый *период «высокого сталинизма»*.

Как отмечает Э. Смит, «историки играют выдающуюся роль среди создателей и приверженцев национализма <...> историки внесли весомый вклад в развитие национализма <...> они заложили моральный и интеллектуальный фундамент для национализма в своих странах <...> историки, наряду с филологами, самыми разными способами подготовили рациональные основания и хартии наций своей мечты» [Смит 2002: 236]. Столь частое упоминание именно историков не должно вводить нас в заблуждение: в эпоху «высокого сталинизма» географы играли значительную роль в выработке и конструировании советской версии политической идентичности, основанной в том числе и на критике «буржуазной географии». Это было их вкладом в формирование концепта политической «Инаковости».

География была поставлена на службу политическому режиму, и ей было предписано выполнять определённые идеологические функции. Последние нередко диктовались изменениями в международной ситуации, активизацией конкуренции между двумя системами – социализмом и капитализмом. В «чёрно-белом» идеологически выверенном политическом воображении советских интеллектуалов сталинской эпохи социализм, безусловно, ассоциировался с Советским Союзом в то время, как капитализм соотносился с США.

Обострение международной конкуренции, идеологическая борьба между двумя сверхдержавами не оставили в стороне советских географов, которые помимо чисто научной функции, были вынуждены выполнять и некоторые идеологические обязанности. Эта ситуация для советских гуманитарных и общественных наук не была уникальной. Советские историки были вынуждены критиковать «буржуазную» или «реакционную» историографию, литературоведы – соответственно такое же «буржуазное» и не менее «реакционное» литературоведение. «Советский историк всегда готов был дать отпор буржуазным фальсификаторам <...> советские историки готовы были обвинять своих коллег сперва в меньшевизме и троцкизме, затем – в космополитизме, а позже – в структурализме и в подготовке “диверсии без динамита”»; поэтому и научные статьи порой напоминали доносы, а доносы походили на научные статьи. Разоблачение врагов было атрибутом советской историографии – одни занимались этим с явным удовольствием, другие с трудом преодолевали порог брезгливости, третьи делали это не задумываясь, поскольку это стало дискурсивной практикой» [Свобода... 2007]. Так и советским географам в период «высокого сталинизма» не оставалось ничего иного как критиковать «буржуазную лженаучную географию».

Наиболее оригинальные и в наибольшей степени интегрированные в официальный советский канон тексты, связанные с критикой «буржуазной географии» и составлявшие основу советского «географического воображения» появились в первой половине 1950-х годов. Смерть И.В. Сталина (1953 г.) и последующая «десталинизация» в меньшей степени способствовали актуализации столь откровенно идеологической и политической функции географии. В 1960-е – 1980-е годы подобных текстов выходило меньше, хотя критику «буржуазной науки» в СССР никто не отменял. Тем не менее, наиболее яркие – и вместе с тем спорные – тексты появились именно в первой половине 1950-х. Именно эти произведения, сформировавшие идеологически выверенные пределы развития советской географии, находятся в центре авторского внимания в настоящей статье¹.

Для советского идеологического текста начала 1950-х годов характерно полное неприятие западной науки, которая усилиями советских интеллектуалов представлялась как изначально порочная и неправильная. Дж. Фридман говорит об истории как представлении «о прошлом, тесно связанным с выработкой идентичности в настоящий момент» [Friedman 1992: 195]. Такая роль была в советский период практически у всех гуманитарных и общественных наук, в том числе и у географии. В «представлениях о прошлом», как полагал Д. Томсон, «отражается современное состояние группы» [Thomson 1968: 27]. Отображение советскими географами периода «высокого сталинизма» своих идеологических оппонентов даёт яркое представление о специфике функционирования науки и актуализации её политической роли в тоталитарном обществе. Именно поэтому советские географы в 1951 году подчёркивали, что география как «разлагающаяся буржуазная наука» [Нейфах 1951], в руках буржуазии превратилась «в одно из орудий классовой борьбы против пролетариата», а «буржуазные» географы, или «ученые прислужники северо-американских колонизаторов» [Жирмунский 1951], обвинялись им в том, что они «служат интересам финансовой олигархии особенно рьяно» [Яницкий 1951: 3].

¹ Отметим, что «за кадром» настоящей статьи остаются, таким образом, многие важные для понимания идеологической функции советской географии темы – например, содержательная (а не идеологическая) критика зарубежных коллег; особенности адаптации и использования западных концепций в советской географии и, наконец, «обратное» отображение советских коллег в глазах американских географов. Развитие этих тем в будущих номерах «Культурной и гуманитарной географии» мы будем только приветствовать. – *Прим. ред.*

Советский географ Л.Я. Зиман настаивал на том, что «буржуазная географическая наука в США стала на службу хищнической и реакционной политики Уолл-Стрита» [Зиман 1951]. Кроме этого американским географам приписывалось то, что они занимаются исключительно «апологетическим изображением капиталистических стран» и «прямой фальсификацией фактов» [Добров 1951]. Советский географ А.М. Нейфах связывал «кризисное» состояние американской географии с тем, что «научная мысль в капиталистическом обществе в период общего кризиса капитализма находится в глубоком упадке» [Нейфах 1951: 103]. Именно с этим связывалась «убогость теоретического уровня американской географической науки» [Зиман 1951: 84], способной исключительно на «лживые вымыслы» и «глубоко реакционные, антинаучные рассуждения» [Лукашев 1953: 48-49]. По определению А.С. Доброва, американские географы – это «рупор правящих кругов США», «апологеты и пропагандисты экспансионистских и антисоветских планов американского монополистического капитализма» [Добров 1951: 50]. В вину заокеанским географам ставили «отказ от научных методов исследования», а также «всемерную поддержку американского империализма» [Нейфах 1951: 103]. Подчеркивалось, что американская географическая наука развивается в соответствии с «интересами хищнической и агрессивной политики монополий» [Зиман 1951: 54]. Этим советская географическая наука в ее «сталинизированной версии» не ограничивалась.

Недемократические режимы всегда налагают значительные ограничения на науку. Украинский историк Ярослав Грыцак, комментируя, например, состояние исторических исследований в Украинской ССР отмечает, что «историография советской Украины была очень провинциальной, изолированной и сфокусированной на нескольких темах и концепциях» [Грыцак 2003: 427]. Подобной идеологической унификации, на наш взгляд, подверглась и советская география, также вынужденная культивировать ряд проблем, призванных подчеркнуть лояльность власти. Поэтому правомерно выявление *стандартного набора обвинений и идеологических претензий* со стороны советских географов в отношении американских коллег как «идейных оруженосцев империализма» [Лукашев 1953: 84]. При этом будем опираться на такие особенности науки в авторитарном обществе как политизация и монополизация «производства» научного продукта [Куско, Таки 2003: 485, 491]. Иными словами, концепции советских географов относительно американских коллег были такими потому, что в эпоху «высокого сталинизма» они могли быть только такими. Крайне ограниченное пространство не давало географам возможности для интеллектуального маневра, а существовавший в СССР режим фактически стремился превратить научное сообщество в механизм для обслуживания политических интересов.

Р. Линднер указывает на то, что «во все эпохи и в каждом обществе историография подчиняется политике» [Линднер 1997: 114.]. Советская география в период «высокого сталинизма» не только развивалась в идеологически выверенном направлении, но и была чрезвычайно ортодоксальной. Украинский историк Я. Грыцак, комментируя некоторые проблемы украинской историографии, подчеркивает, что «преобладание национальной парадигмы в трудах историков можно сравнить только с господством позитивистской парадигмы извода Леопольда Ранке» [Грыцак 2003: 444]. В трудах советских географов начала 1950-х годов доминировала не национальная, а *идеологическая* парадигма. Степень влияния политического в научном языке географического сообщества была столь значительной, что в ряде текстов оказываются размытыми границы между собственно географическим научным и идеологическим, политическим текстом. Американских «ученых»-географов предпочитали называть авторами «псевдонаучных и туманных утверждений» [Успенская 1951], «лженаучных теорий» [Лукашев 1953: 5], «подголосками северо-американских монополий» [Жирмунский 1951: 127] и «воинствующими реакционерами» [Нейфах 1951: 115.], обвиняя их в занятии «лженаукой» [Кузминов 1949], фашизме [Лаптев 1949], «усердном служении Уолл-Стриту» [Нейфах 1951: 117], «пособничестве захватническим планам империализма», оправдании «агрессивных планов империалистов и жестокой эксплуатации колониального населения» и т.п.

В.А. Шнирельман пишет, что гуманитарные науки в недемократических социумах призваны «придать уверенность доминировавшему большинству» [Шнирельман 2003: 11]. В эпоху «высокого сталинизма» география формировала уверенность правящих элит в единственной правильности существовавшей в СССР политической модели на фоне далеко не научной критики Запада. В этом контексте критика «буржуазной географии» была не более чем поводом для формирования и культивирования универсального образа «Другого». Именно поэтому «буржуазная география» оценивалась как «глашатай американских монополий» [Лукашев 1953: 6], лженаука, «служанка империализма» [Яницкий 1951: 10], теории которой используют «фальсификаторские приёмы» [Добров 1951: 21] и «измышления» для «оправдания и прикрытия захватнических устремлений северо-американского империализма, обмана народов, к порабощению которых он стремится» [Жирмунский 1951: 119].

Формирование подобных образов «Другого» было очень важно. К. Гернер именно в подобных практиках склонен искать «основу национального единства» [Как завершить... 2008]. Если же советские географы «высокого сталинизма» о национальном единстве не думали, то об идеологической чистоте они вынужденно радели не меньше, чем партийные идеологи. Особое внимание уделялось именно ненаучности «реакционной американской географии», которая не имеет «научных основ и базируется на реакционной буржуазной философии» [Лукашев 1953: 11]. Советскими авторами подчёркивалось, что географы в США отличаются «резко выраженным человеконенавистничеством» [Успенская 1951: 146], «политической реакционностью» [Нейфах 1951: 106] и «сознательно не пишут о том, о чём неприятно слышать американской буржуазии» [Успенская 1951: 140].

Конечно, «история, как и любая другая история, пишется в определённом контексте и представляет собой проект определённого типа» [Friedman 2001: 41]. Подобная проекционная составляющая характерна и для других наук. География 1950-х годов выполняла политическую роль, участвуя в формировании негативного образа американского империализма как универсального «Другого». «Каждая политическая система определённым образом формирует собственную память, содержание которой определяется использованием различных форм работы с фактами прошлого» [Навука... 2006: 44]. Основной формой работы советских географов не с «фактами прошлого» и даже не с географическими фактами, а с разного рода географическими теориями и интерпретациями американских географов была их *идеологизация*. Именно поэтому в советском научном воображении начала 1950-х годов теориям американской географии были предписаны цели «оправдания социального и экономического неравенства, расовой дискриминации» [Лукашев 1953: 20].

Заочная дискуссия между советскими и американскими географами носила преимущественно политический характер, а роль научной составляющей была вторичной или даже минимальной. «Современные политические и идеологические сражения могут быть выиграны благодаря подчёркиванию определённых и замалчиванию других моментов истории» [Coakley 2004: 532]. Советские географы сталинской эпохи сознательно *фрагментировали* американскую географию, сосредоточив внимание только на тех фактах, которые вписывались в доминировавшую концепцию идеологического заказа. Американским географам приписывали занятия не наукой, а разведкой – сбором информации, которая «будет полезна агрессорам» [Зиман 1951: 62], сознательное «затушевание классовых противоречий разлагающегося капиталистического общества» [Лукашев 1953: 5]. В вину американским коллегам – «апологетам империализма» [Лукашев 1953: 87] – ставили то, что они «выступают против объективных методов в географии, всячески превозносят субъективизм», руководствуясь «неукротимой ненавистью к подлинно научному исследованию» [Нейфах 1951: 103].

В недемократических обществах гуманитарные и общественные науки становятся важным политическим фактором [Umkämpfte... 1999] формирования идентичности и лояльности граждан. Советские географы писали, что американские «учёные» занимаются апологетикой «монополистического капитала США», который стремится «поработить все народы земного шара» [Лукашев 1953: 45]. В подобной идеологизированной атмосфере выводы

американских географов в СССР начала 1950-х годов оценивались как «вздор» [Добров 1951: 22], «грязная писанина продажных пасквилянтов», однознгачно указывающая на «связь американской буржуазной географии с империалистической разведкой» [Зиман 1951: 64, 84]. Если «история пишется как определённый концепт самости, который основывается на радикальном отделении от какой-либо другой идентичности» [Friedman 2001: 41], то именно такая функция в тоталитарном советском обществе начала 1950-х годов выполнялась и географической наукой.

Именно поэтому, разделяя советское и американское как «*правильное*» и «*неправильное*», развиваясь в условиях значительной идеологизации научного пространства, советские географы обвиняли американских коллег в игнорировании «роста производительных сил», «невежестве в вопросах истории», «полном игнорировании исторических фактов», вере «в лживое положение об определяющей роли климата» [Добров 1951: 19, 20]. Американских географов в СССР обвиняли и в том, что специализированная научная периодика в США превратилась в «рассадник шовинизма и мракобесия» [Успенская 1951: 150]. Отечественными авторами практически всегда отмечалась «методологическая беспомощность» [Зиман 1951: 84], «реакционная сущность и полная теоретическая несостоятельность» [Нейфах 1951: 111] американской географии. Советские географы писали, что «американские поджигатели войны» [Зиман 1951: 78] не могут провести подлинный анализ экономических явлений и процессов [Добров 1951: 15]. Исходя из этого утверждения, американская географическая наука и объявлялась не только «буржуазной», но и «реакционной».

География в исполнении «сталинских географов» служила почти исключительно целям индоктринизации. Поэтому с методологической точки зрения она была чрезвычайно слабой, с многочисленными «методологическими изъянами» [Усманова 2003: 343], обусловленными не стремлением создавать научный текст, а решением политических задач, что вело к отрицанию западной науки как таковой. Особое недоверие вызывала геополитика [Семенов 1949], которая воображалась как «идеологическое оружие империалистической агрессии» [Лукашев 1953: 29], «политико-географическая апология империалистической агрессии» [Добров 1951: 44] и «боевая программа империализма», отражающая «стремления и взгляды крайней реакции» [Яницкий 1951: 4]. В недемократических обществах не только «история стала важным элементом различных национальных проектов, выполняя свои функции в создании идентичности» [Куско, Таки 2003: 485], но и интегрированная в доминирующий идеологический текст география. Она участвовала в процессе создания политической идентичности, основанной на неприятии и отрицании западной науки, в том числе географии и, в частности, геополитики.

По мнению Д. Усмановой, общественным наукам в СССР, «были в равной мере присущи унифицированность <...> и ограниченность методологического кругозора» [Усманова 2003: 351]. В этой связи показательна значительная степень политизации научного языка географического текста. Американские геополитики в советском научном воображении фигурировали как «многочисленная челядь американского империализма» [Лукашев 1953: 46]. Содержание научных работ в описываемых условиях «субординировано по отношению к конкретным механизмам контроля государства и/или доминирующих элит и является частью процесса формирования нации и лояльных граждан» [The Nation... 2005: 1]. Советская география периода «высокого сталинизма» оказалась частью подобного государственного механизма. «Коллективные памяти (например, фольклор, нарративы, публичные ритуалы, архитектура и пейзажи, образование и культура) были поставленные под контроль и управление» [Аўтўэйт, Рэй 2006: 29]. Это, разумеется, было невозможно без идеологизации науки, потенциал которой был направлен на формирование новых лояльных режиму идентичностей. В этот процесс свой посильный вклад вынужденно вносили и советские географы, втянутые в обслуживание комплекса нарративов об «инаковости» США как главного идеологического противника. Именно поэтому в начале 1950-х годов геополитика воспринималась как совокупность разного рода «лживых теорий» [Зиман 1940], «лживые геострате-

гические бредни» [Лукашев 1953: 50], а также совокупность «измышлений, направленных на оправдание господства империалистов» [Добров 1951: 27]. К. Калхун указывает на то, что в некоторых режимах науки сознательно «пишутся» под ту или иную доминирующую идеологию [Калхун 2006: 113]. В Советском Союзе рассматриваемого периода география не могла быть исключением. Поэтому американские географы-геополитики в глазах советских авторов выполняли исключительно политический заказ, обосновывая «экспансионистские военно-стратегические планы США» [Лукашев 1953: 70] и «захватнические планы американского империализма» [Аламиев 1951: 101]. В советском дискурсе начала 1950-х годов американских географов, которые занимались геополитикой, обвиняли в отказе от «выявления истинных причинных связей», в выдвигании «вымышленных фактов, оперируя которыми» те приходили к «апологетическим для капитализма выводам» [Добров 1951: 15].

Идеологический гнев у советских географов начала 1950-х годов вызывали попытки американских авторов проанализировать *роль географического фактора в истории России*. По В.А. Шнирельману, «в зависимости от самых разных факторов интеллектуалы выдвигают и отстаивают определённые версии прошлого, представляющие и оценивающие одни и те же события или процессы далеко не одинаково» [Шнирельман 2003: 15]. Подобное идеологическое расхождение советской сталинской географии с американской в наибольшей степени проявилось в изучении вопросов, связанных непосредственно с СССР. В связи с этим американские географы фигурировали как «инициаторы антисоветских провокаций» и участники «злых антисоветских кампаний» [Зиман 1951: 82, 83]. А.С. Добров, например, писал так: «болтовня о географических факторах победы СССР нужна буржуазным авторам, чтобы замаскировать факт, что победа [в Великой Отечественной войне. – М.К.] объясняется превосходством существующего в СССР социалистического строя, тогда как поражение Франции и её быстрая капитуляция были следствием существования в ней антинародного режима» [Добров 1951: 23-24].

Особо отрицательно оценивались попытки американских авторов интерпретировать отношения между РСФСР и другими республиками СССР в категориях взаимоотношений «метрополии» и «колонии». О подобных характеристиках А.С. Добров писал: «это – сознательная фальсификация фактов и игнорирование той глубокой пропасти, которая отделяет страну социализма от капиталистического мира. Это – чудовищное извращение сущности нашей национальной политики, имеющее целью затушевать империалистическое угнетение колоний в капиталистическом мире» [Добров 1951: 42]. Приведенный выше фрагмент из типичного советского географического текста эпохи «высокого сталинизма» свидетельствует о глубине интеграции в идеологический канон.

Конец 1940-х – первая половина 1950-х годов стали наивысшей точкой в развитии *такой* географии и географического воображения эпохи «высокого сталинизма». География, как и другие общественные и гуманитарные науки, имела политическое значение. В. Акудович замечает, что научное знание могло «быть политическим товаром только в логоцентричном обществе, в обществе постмодерна история становится практически ненужной. В подобной системе истории просто нет» [Навука... 2006: 47]. Смерть Сталина в 1953 году и последующая десталинизация в некоторой степени снизили идеологическое давление на науку, тем более на географию как науку со спорным статусом. В более позднем советском авторитаризме необходимость в политически выверенной и идеологически отформатированной географии уменьшилась. Существование недемократического режима, с одной стороны, актуализировало идеологическую функцию географии и способствовало проявлению политического компонента в научном языке советской географической науки. С другой стороны, в подобной модели развития науки был заинтересован исключительно режим, а сама география была интегрирована в государственный аппарат принудительно, что создавало условия для инерционности и пассивности в её развитии.

Подводя итоги статьи, обратим особое внимание на факторы, определявшие развитие тех географических исследований, которые в эпоху «высокого сталинизма» претендовали на

статус теоретических. Таковыми в начале 1950-х годов были идеологически выверенные тексты, посвященные критике американской «буржуазной» или «реакционной» географии. В отсутствии реальных теоретических работ эту роль выполняли идеологические тексты. При этом политических функций у этого круга произведений было несколько. С одной стороны, они формировали «правильный» образ советской географии, акцентируя внимание на политических преимуществах СССР. География (как и история) играла особую роль в процессе идеологизации и индоктринизации. С другой стороны, критика американской географической науки была связана с развитием национализма в Советском Союзе.

Национализм в СССР конца 1940-х – начала 1950-х годов развивался как преимущественно политический и поэтому остро нуждался как в обосновании собственной самости, развитии своей уникальной идентичности, так и в обретении образа универсальных «Других». Роль географической науки в СССР в культивировании советской идентичности была несравнимо меньше, чем, например, значение истории и литературоведения. При этом участие географии в создании образов «Другого» сомнения не вызывает. В подобной роли выступает американский империализм, функция американской географии сводилась советскими исследователями исключительно к обслуживанию интересов правящих классов в США. Советские работы, посвященные критике «реакционной» и «буржуазной» географии начала 1950-х годов, в значительной степени были интегрированы в советский политический канон, будучи неотъемлемой частью большого советского идеологического текста. В настоящее время они представляют интерес именно в контексте *интеллектуальной истории*, так как отражают идеологические трансформации географии, её приспособление к политической конъюнктуре и изменения в её языке.

После 1953 г. география сохраняла свою идеологическую функцию, но степень её проявления сократилась. Советские географы были вынуждены, как и раньше, критиковать своих зарубежных коллег, хотя общая тональность критики изменилась в сторону смягчения. В период «высокого сталинизма» критика «реакционной» и «буржуазной» географии была заменой теоретической географии. Десталинизация радикальным образом изменила общий вектор развития географических исследований в СССР в сторону работ *прикладного* характера. В подобной ситуации теоретические исследования были подвергнуты маргинализации, а единственной формой знакомства советского научного географического сообщества с зарубежными источниками стала именно критика «буржуазной географии». Основы для подобных интеллектуальных практик были заложены в начале 1950-х годов, хотя сталинские географы вряд ли предполагали, что станут предшественниками теоретической географии и её отдаленных постмодернистских наследников в лице интеллектуальной, воображаемой и культурной географии...

Литература

Алампиев П.М. Военная геополитика – орудие поджигателей мировых войн // Буржуазная география на службе американского империализма / Под общ. ред. А.А. Григорьева, Н.Ф. Яницкого. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 93-102.

Аўтэўйт Ё., Рэй Л. Мадэрнасць, памяць і посткамунізм // Палітычная сфера. 2006. №6. С. 27-43.

Грицак Я. Украинская историография. 1991 – 2001. Десятилетие перемен // *Ab Imperio*. 2003. №2. С. 427-454.

Добров А.С. Основные методы апологии империализма в буржуазной экономической географии // Буржуазная география на службе американского империализма / Под общ. ред. А.А. Григорьева, Н.Ф. Яницкого. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 11-51.

Жирмунский М.М. Лживая концепция буржуазных эконом-географов об индустриализации Латинской Америки // Буржуазная география на службе американского империализма / Под общ. ред. А.А. Григорьева, Н.Ф. Яницкого. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 119-138.

Зиман Л.Я. Американские географы на службе поджигателей войны // Буржуазная география на службе американского империализма / Под общ. ред. А.А. Григорьева, Н.Ф. Яницкого. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 52-92.

Зиман Л.Я. Теоретический уровень американской экономической географии // Учёные записки МГУ. 1940. Вып. 35. География. Труды сектора экономической географии. Группа капиталистических стран.

Как завершить историю СССР: Материалы круглого стола 7 апреля 2008 г. // Полит.ру. 24 апреля 2008. <http://polit.ru/analytics/2008/04/24/istpamat.html>.

Кузминов И. Людоедские бредни современных мальтузианцев // Большевик. 1949. №6.
Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность // Ab Imperio. 2003. №1. С. 485-495.

Лаптев И. Откровения американского фашиста // Правда. 14 апреля 1949.

Лінднер Р. Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі // Беларусіка / Albaruthenica. 1997. Т. 6. Ч. 1. С. 114.

Лукашев К.И. Буржуазная лженаучная география на службе реакции. М.: Географгиз, 1953.

Навука і стратэгія працы з мінулым: Дыскусія ў межах семінара «Сучаснае беларускае мысленне», Інстытут сацыялогіі, Інстытут філасофіі НАН, 16 сакавіка 2006 года // Палітычная сфера. 2006. №6. С. 44-48.

Нейфах А.М. Агностицизм и реакционность буржуазной географии // Буржуазная география на службе американского империализма / Под общ. ред. А.А. Григорьева, Н.Ф. Яницкого. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 103-118.

Свобода у историков пока есть. Во всяком случае – есть от чего бежать: Беседа Кирилла Кобриня с Павлом Уваровым // Неприкосновенный запас. 2007. №55. <http://magazines.russ.ru/nz/2007/55/sb5.html>.

Семенов Ю.Н. Фашистская геополитика на службе американского империализма. М.: Госполитиздат, 1949.

Смит Э.Д. Национализм и историки // Нации и национализм / Авт. Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др; Пер с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. М.: Практика, 2002. С. 236-263.

Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков // Ab Imperio. 2003. №3. С. 337-360.

Успенская Н.И. О чем пишет в Соединенных Штатах Америки буржуазный географический журнал // Буржуазная география на службе американского империализма / Под общ. ред. А.А. Григорьева, Н.Ф. Яницкого. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 139-150.

Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003.

Яницкий Н. Введение // Буржуазная география на службе американского империализма / Под общ. ред. А.А. Григорьева, Н.Ф. Яницкого. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 3.

Coakley J. Mobilizing Past: nationalist images of history // Nationalism and Ethnic Politics. 2004. Vol. 10. No 4. P. 531-560.

Friedman J. Myth, History, and Political Identity // Cultural Anthropology. 1992. Vol. VII. No. 2. P. 194-210.

Friedman J. History, Political Identity and Myth // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. 2001. No 1. P. 41-58.

The Nation, Europe and the World: Textbooks and Curricula in Transition / Ed. by H. Schissler, Y.N. Soysal. N.Y.–Oxford: Berghahn Books, 2005.

Thomson D. Must History stay Nationalistic? The Prison of Closed Intellectuals Frontiers // Encounter. 1968. Vol. 30. No. 6. P. 22-28.

Umkämpfte Vergangenheit. Geschichtsbilder, Erinnerungen and Vergangenheitspolitik im internationalen Vergleich / Hrsg. P. Bock, E. Wolfrum. Göttingen, 1999.